Philology Matters / ISSN: 1994 – 4233
Uzbekistan State World Languages University

2026 Vol. 56 No. 3
LINGUISTICS
https://philmatt.uzswlu.uz

Received: July 28, 2026
Accepted: September 23, 2026
Available online: September 25, 2026

https://doi.org/10.36078/987655597

Original research article / Original tadqiqot maqolasi

THE USE OF UZBEK BACKGROUND LEXICON IN THE RUSSIAN DISCOURSE OF BILINGUALS IN UZBEKISTAN

Zulfiya ALIKHASANOVA

Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences
Gulistan State Pedagogical Institute
Gulistan, Uzbekistan
Email: zulyaaligasanova6@gmail.com
ORCID iD: 0009-0004-0828-6071

ABSTRACT

The relevance of this study stems from the need for a comprehensive investigation of intercultural interaction in digital environments, where linguistic hybridisation is actively taking place and new forms of regional bilingualism are emerging. The study aims to identify and provide a cognitive-discursive account of the specific ways in which Uzbek background vocabulary functions in Russian-language communication among bilinguals in the Republic of Uzbekistan.

To achieve this aim, the study systematises theoretical approaches to defining lexical background, classifies the main thematic groups of Uzbekisms regularly used in informal communication, and identifies their pragmatic functions and semantic transformations under the influence of digital environments.

The methodological framework incorporates discourse analysis of online communication, conceptual analysis, contextual and distributional analysis, and elements of sociolinguistic observation. The research material comprises a corpus of texts collected through continuous sampling from public Russian-language Telegram channels and Instagram communities in Uzbekistan between 2023 and 2026, supplemented by data from authoritative explanatory dictionaries.

The findings demonstrate that Uzbek background vocabulary in the Russian speech of bilinguals is no longer used exclusively to denote ethnographic realia. In digital discourse, it also functions as a marker of local identity and a tool for expressive subjectivisation and ironic deconstruction. The study establishes that the integration of Uzbekisms into Russian speech is uneven and non-linear, depending directly on the pragmatic orientation of communication. This process gives rise to semantic fluidity in background meanings and dynamic relacunarisation.

The scientific novelty lies in substantiating the linguocognitive status of mixed bilingual discourse as a dynamic system reflecting the hybrid identity of contemporary language users under conditions of pervasive digitalisation. The practical findings can be applied in university courses on sociolinguistics, intercultural communication, and bilingualism theory, as well as in the development of new types of linguocultural dictionaries.

Key words: background vocabulary, background knowledge, non-equivalent vocabulary, cognitive-discursive analysis, digital discourse, local identity, semantic fluidity, relacunarisation, bilingual discourse.

For citation:

Alikhasanova, Z. (2026). The use of Uzbek background lexicon in the Russian discourse of bilinguals in Uzbekistan. *Philology Matters*, *56*(3), 50–70. https://doi.org/10.36078/987655597.

© Zulfiya Alikhasanova, 2026. Licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY 4.0).

O‘ZBEKISTONDAGI IKKI TILLILARNING RUSIYZABON DISKURSIDA O‘ZBEK TILIGA XOS FON LEKSIKANING QO‘LLANISHI

Zulfiya ALIXASANOVA

Filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD)
Guliston davlat pedagogika instituti
Guliston, O‘zbekiston

ANNOTATSIYA

Tadqiqotning dolzarbligi raqamli makonda kechayotgan madaniyatlararo muloqot jarayonlarini kompleks o‘rganish zarurati bilan belgilanadi. Bu makonda tillarning o‘zaro ta’siri kuchayib, lingvistik gibridlanish jarayonlari faollashmoqda va mintaqaviy bilingvizmning yangi shakllari yuzaga kelmoqda. Tadqiqotning maqsadi O‘zbekiston Respublikasi hududida ikki tillilar o‘rtasidagi rus tilidagi muloqotda o‘zbekcha fon leksikasining qo‘llanish xususiyatlarini aniqlash hamda ularni kognitiv-diskursiv jihatdan tavsiflashdan iborat.

Ushbu maqsadga erishish uchun leksik fon tushunchasiga oid nazariy yondashuvlar tizimlashtirildi, norasmiy muloqotda muntazam qo‘llanadigan o‘zbekcha leksik birliklarning asosiy tematik guruhlari tasniflandi, shuningdek, ularning pragmatik vazifalari va raqamli muhit ta’sirida yuz beradigan semantik o‘zgarishlari aniqlandi.

Tadqiqotning metodologik asosini internet-muloqot diskursi tahlili, konseptual tahlil, kontekstual va distributiv tahlil usullari hamda sotsiolingvistik kuzatish elementlari tashkil etdi. Tadqiqot materiali sifatida 2023–2026-yillarda O‘zbekistondagi ochiq Telegram kanallari va Instagram sahifalarida e’lon qilingan rus tilidagi matnlardan uzluksiz tanlab olish usuli orqali shakllantirilgan matnlar korpusi, shuningdek, nufuzli izohli lug‘atlarda keltirilgan ma’lumotlardan foydalanildi.

Tadqiqot natijalari ikki tillilarning rus tilidagi nutqida o‘zbekcha fon leksikasi endilikda faqat etnografik voqeliklarni nomlash vositasi bo‘lib qolmayotganini ko‘rsatdi. Raqamli diskursda bunday birliklar mahalliy o‘zlikni anglash va ifodalash vositasi, subyektiv munosabatni ta’sirchan ifodalash hamda kinoyaviy talqin yaratish vositasi sifatida ham namoyon bo‘lmoqda. O‘zbekcha leksik birliklarning rus tilidagi nutqqa kirib borishi bir tekis kechmasligi, chiziqli xususiyatga ega emasligi va bevosita muloqotning pragmatik maqsadiga bog‘liqligi aniqlandi. Bu jarayonda fon ma’nolarining o‘zgaruvchanligi va lisoniy lakunalar bilan bog‘liq hodisalarning dinamik tarzda qayta namoyon bo‘lishi kuzatiladi.

Tadqiqotning ilmiy yangiligi aralash bilingval diskursning lingvokognitiv maqomini zamonaviy til egalari gibrid identifikatsiyasini aks ettiruvchi dinamik tizim sifatida asoslashdan iborat. Tadqiqotning amaliy natijalaridan sotsiolingvistika, madaniyatlararo muloqot va bilingvizm nazariyasiga oid ma’ruza mashg‘ulotlarida, shuningdek, yangi turdagi lingvomadaniy lug‘atlarni yaratishda foydalanish mumkin. Olingan natijalar raqamli muhitda tillarning o‘zaro ta’sir mexanizmlarini chuqurroq anglashga xizmat qiladi hamda ko‘p tilli sharoitda bilingval diskurs dinamikasi va lingvomadaniy o‘zlikning o‘zgarishini yanada kengroq yoritish uchun imkoniyat yaratadi.

Kalit so‘zlar: fon leksikasi, fon bilimlari, muqobilsiz leksika, kognitiv-diskursiv tahlil, raqamli muloqot, mahalliy identifikatsiya, semantik o‘zgarish, relakunizatsiya, bilingvizm.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УЗБЕКСКОЙ ФОНОВОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ БИЛИНГВОВ УЗБЕКИСТАНА

Зульфия АЛИХАСАНОВА

Доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Гулистанский государственный педагогический институт
Гулистан, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения

процессов межкультурного взаимодействия в цифровом пространстве, где происходит активная лингвистическая гибридизация и формируются новые формы бытования регионального билингвизма. Цель работы заключается в выявлении и когнитивно-дискурсивном описании специфики функционирования узбекской фоновой лексики в русскоязычной коммуникации билингвов на территории Республики Узбекистан.

Для достижения этой цели решены следующие задачи: систематизированы теоретические подходы к определению лексического фона; классифицированы ключевые тематические группы узбекизмов, регулярно используемые в некодифицированном общении; определены прагматические функции данных единиц и специфика их семантической трансформации под влиянием цифровой среды.

Методологическую базу исследования составили методы дискурс-анализа интернет-коммуникации, концептуального анализа, методы контекстуального и дистрибутивного анализа, а также элементы социолингвистического наблюдения. Материалом для анализа послужил обширный корпус текстов, полученный методом сплошной выборки из публичных русскоязычных Telegram-каналов и Instagram-сообществ Узбекистана за период 2023–2026 годов, а также данные авторитетных толковых словарей.

Основные результаты исследования демонстрируют, что узбекская фоновая лексика в русской речи билингвов перестает быть исключительно средством номинации этнографических реалий. В цифровом дискурсе она приобретает статус маркеров локальной идентичности, инструментов экспрессивной субъективизации и иронической деконструкции. В работе доказано, что интеграция узбекизмов в русскую речь происходит неравномерно, носит нелинейный характер и напрямую зависит от прагматической направленности коммуникации. Это приводит к явлению семантической флюидности фоновых значений и динамической релакунаризации.

Научная новизна исследования заключается в обосновании лингвокогнитивного статуса смешанного билингвального дискурса как динамической системы, отражающей гибридную идентичность современных носителей языка в условиях тотальной цифровизации. Практические выводы работы могут быть успешно применены в лекционных курсах по социолингвистике, межкультурной коммуникации, теории билингвизма, а также при создании новых типов лингвострановедческих словарей. Полученные результаты расширяют представления о механизмах взаимодействия языков в условиях цифровизации и могут служить основой для дальнейшего изучения динамики билингвального дискурса и трансформации лингвокультурной идентичности в многоязычной среде.

Ключевые слова: фоновая лексика, фоновые знания, безэквивалентная лексика, когнитивно-дискурсивный анализ, цифровой дискурс, локальная идентичность, семантическая флюидность, релакунаризация, билингвальный дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха глобализации, тотальной медиатизации и стремительного развития цифровой коммуникации в первой трети XXI века внесла кардинальные изменения в структуру и динамику межкультурного взаимодействия [Ter-Minasova, 2000]. Традиционные механизмы трансляции и фиксации культурно-языкового наследия, веками опиравшиеся на институты письменной словесности, академического образования и локального быта, уступают место флюидным, сетевым формам общения [Crystal, 2011]. В этих условиях особую остроту приобретает фундаментальная лингвистическая проблема: застывшие лексикографические системы и традиционные двуязычные словари не успевают фиксировать стремительные изменения, происходящие в семантической периферии слова – его лексическом фоне. В этих условиях особую остроту приобретает фундаментальная лингвистическая проблема: застывшие лексикографические системы

и традиционные двуязычные словари не успевают фиксировать стремительные изменения, происходящие в семантической периферии слова – его лексическом фоне. Данные процессы тесно связаны со спецификой формирования и своеобразия регионального билингвизма, при котором национально-языковые системы вступают в постоянное взаимодействие [Djumanova, 2013b], отражаясь в том числе на уровне фонетико-интонационной адаптации речи иноязычных носителей [Djumanova, 2012b]. Как справедливо отмечал А.А. Потебня, мысль и язык находятся в непрерывном движении, отражая ментальные сдвиги общества [Potebnya, 1993]. Возникает критический разрыв между статичным словарным представлением лексемы и её реальным, пульсирующим функционированием в живом (особенно интернет-опосредованном) дискурсе билингвов [Baranova, 2018; Rakhimova, 2025].

Научная неопределенность усугубляется тем, что в условиях интенсивного контактирования разноструктурных языков – в частности, русского и узбекского – традиционная безэквивалентная лексика и слова с ярко выраженным национально-специфическим фоном претерпевают когнитивную трансформацию [Yusupov, 2007; Atadjanova, 2026]. Поскольку языковая картина мира выступает базовой категорией, фиксирующей ментальные сдвиги и способы концептуализации действительности [Alikhasanova, 2024], динамика фоновых значений непосредственно отражает изменения в сознании билингвов. Происходит процесс «диффузии лексических фонов» и динамической релакунаризации, при которых эквивалентные на понятийном (денотативном) уровне единицы приобретают в цифровом дискурсе полярные аксиологические оценки, иронические коннотации и гибридные прагматические смыслы [Rakhimova, 2026]. Для выявления данных латентных процессов необходимо выйти за рамки сравнения сухих языковых фактов и исследовать живую взаимосвязь языка, мышления и реального общения [Chafe, 1994].

Целью настоящего исследования является комплексное теоретико-методологическое моделирование и сопоставительный прагмалингвистический анализ структуры, механизмов формирования и динамики функционирования фоновой лексики русского и узбекского языков в условиях современного цифрового и медийного пространства. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: во-первых, проследить эволюцию научных представлений о лексическом фоне и систематизировать существующий понятийный аппарат; во-вторых, вскрыть внутреннюю архитектонику и психолингвистические механизмы актуализации национально-культурных коннотаций; в-третьих, выявить специфику функционирования этнокультурных маркеров в современной виртуальной среде Узбекистана.

Обзор литературы

В фокусе внимания современного языкознания находится детальный анализ безэквивалентных и фоновых лексических единиц. Исследователи из разных стран, изучающие специфику иноязычного дискурса, регулярно сталкиваются со сложностями дифференциации коннотативных, фоновых и безэквивалентных

пластов лексики [Apresyan, 1974]. Проблемы вызывают также установление границ фоновых знаний, экспликация лексического фона, выявление национально-культурного компонента и описание семантической структуры этнокультурно маркированных слов [Ufimtseva, 2013]. Данная проблематика критически важна при реализации функционально-стилистических изысканий, а также при исследовании дивергентных и конвергентных тенденций в конкретной языковой системе [Yusupov & Alimova, 2024]. Не менее значима эта тема для лингводидактики, поскольку лингвострановедческий аспект выступает фундаментом практически для всех образовательных программ, направленных на освоение иностранных языков.

Рассмотрим подробнее научные взгляды различных специалистов на данные дефиниции. Фундаментальный вклад в развитие лингвострановедческого направления внесли такие видные филологи, как Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [Vereshchagin & Kostomarov, 1980], детально исследовавшие указанные процессы на материале русского языка. В контексте англистики данную тему глубоко изучал Г.Д. Томахин [Tomakhin, 1988], анализируя реалии-американизмы. В их академических работах ключевое место отведено изучению диахронической и синхронической лексикологии, диалектики языка и культуры, специфики лексического фона, фразеологического фонда и единиц со специфическим национально-культурным семантическим наполнением.

Общеизвестно, что единство исторического пути социума отражается, в первую очередь, в когнитивных представлениях о мире [Tomakhin, 1988]. Весомую долю таких представлений составляют фоновые знания, интерпретация которых в научной среде неоднозначна. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров квалифицируют их как «общие для участников коммуникативного акта знания» [Vereshchagin & Kostomarov, 1980]. Иными словами, речь идет о некоем информационном инварианте, разделяемом собеседниками и гарантирующем адекватное взаимопонимание в процессе вербального взаимодействия. С позиции О.С. Ахмановой, данное явление представляет собой «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Akhmanova, 1969]. В свою очередь, Г.Д. Томахин предлагает дифференцировать широкое и узкое понимание этого термина. «Фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения» [Tomakhin, 1988]. При узком же подходе они рассматриваются «как только те знания, которыми располагают оба коммуниканта, т.е. знания, общие для участников коммуникативного акта» [Tomakhin, 1988: 48].

Важной категорией лингвострановедения выступает также феномен лексического фона. По утверждению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «лексический фон устанавливает границы осмысленной сочетаемости слов: личный выбор действует только в их пределах… Лексический фон устанавливает не только границы осмысленной коммуникации, но и её языковую форму» [Vereshchagin & Kostomarov, 1980: 77]. Авторы подчеркивают, что именно фон, а не лексическое понятие, детерминирует тематические и синтаксические связи

слова. Так, соглашаясь с позицией Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, под лексическим фоном правомерно понимать «всю совокупность непонятийных семантических долей, относящихся к слову» [Vereshchagin & Kostomarov, 1980: 57]. Для систематизации дефиниционного аппарата и сопоставления ключевых исследовательских парадигм в отношении феномена безэквивалентности и фоновых систем нами была составлена сводная таблица (см. табл. 1):

Таблица 1.

Сравнительный анализ дефиниций фоновых знаний и безэквивалентной лексики в лингвистической литературе

Автор(ы) / Научная школа	Трактовка понятия «фоновые знания»	Трактовка понятия «безэквивалентная лексика»	Фокус внимания автора
Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров	общие для участников коммуникативного акта знания, обеспечивающие взаимопонимание	слова, план содержания которых невозможно сопоставить с иноязычными лексическими понятиями (не подлежат переводу)	лингвострановедческий: кумулятивная функция языка, семантические доли
Г.Д. Томахин	дифференциация на широкий план (все знания к моменту общения) и узкий план (взаимные знания)	лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков	лексикографический: фиксация отсутствия прямых соответствий в словарях
Л.С. Бархударов, С.Влахов, С.Флорин	не рассматривается детально в рамках концепции перевода	лексические единицы (слова и устойчивые сочетания), не имеющие ни полных, ни частичных эквивалентов в языке перевода	переводческий: поиск функциональных замен, классификация реалий
В.Н. Комиссаров	знания, имеющиеся в сознании говорящих, вместилищем которых выступает кумулятивная функция языка	обозначения специфических для данной культуры явлений, не имеющие регулярных соответствий при переводе	культурологический / когнитивный: язык как транслятор и хранитель культурного кода

Что касается непосредственно феномена безэквивалентной лексики, то он на протяжении многих десятилетий находится в поле зрения специалистов из самых разных областей филологии: перевода, лингвострановедения, семасиологии, контрастивной лексикологии и лексикографии. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, к этой группе относятся лексемы, которые невозможно семантизировать посредством перевода ввиду отсутствия стабильных коррелятов и смысловых аналогов в содержательной структуре другого языка [Vereshchagin & Kostomarov, 1980: 56]. В.Н. Комиссаров видит в ней «обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющихся в сознании говорящих» [Komissarov, 1980: 37], резюмируя,

что безэквивалентными выступают «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Komissarov, 1990: 147].

Н.Б. Мечковская замечает: «В любом языке и диалекте есть слова, не имеющие однословного перевода в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, в основном – обозначения специфических явлений местной культуры» [Mechkovskaya, 2000: 52]. Обобщая приведенные мнения, можно утверждать, что под безэквивалентной лексикой чаще всего понимаются языковые знаки, лишенные точных соответствий (параллелей) в системе другого языка или иной культуре.

Специфику безэквивалентного пласта в лингвострановедении принято рассматривать в тесной связи с понятием фоновой лексики. Последнюю Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяют как номинации объектов и явлений, которые имеют соответствия в сопоставляемых языках, но расходятся в силу национальных особенностей своего бытования [Vereshchagin & Kostomarov, 1980: 59]. Описывая «фоновые слова», ученые отмечают, что это «слова одного языка, отличающиеся лексическими фонами от эквивалентных иноязычных слов... суть фоновой лексики в том, что если сравнивать понятийно эквивалентные слова в разных языках, то они будут отличаться друг от друга в силу того, что каждое из них сопряжено с определенной совокупностью знаний» [Vereshchagin & Kostomarov, 1980: 59].

Историко-теоретический анализ антропоцентрического вектора в современной филологической науке требует обращения к истокам формирования лингвистических учений, заложивших фундамент для исследования триады «язык – человек – культура». В ретроспективе лингвистических учений второй половины XX века переломным моментом стало осознание семантической и прагматической недостаточности исключительно структурного, имманентного описания языковой системы. Стремление исследователей выйти за рамки «чистой» лингвистики (в понимании Ф. де Соссюра) и объяснить природу языкового знака через призму его функционирования в реальном социуме детерминировало появление лингвострановедения – научного направления, коренным образом изменившего взгляд на содержательный план языковых единиц.

У истоков концептуализации представлений о скрытых, культурно обусловленных компонентах значения слова стояли выдающиеся ученые Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. В своих фундаментальных трудах 19701980-х годов авторы обосновали и ввели в активный научный оборот категориальные понятия «фоновые знания» и «лексический фон», лёгшие в основу теоретических концепций современных лингвистов.

В рамках нашего исследования, анализируя сущность фоновой лексики, мы будем опираться на следующее положение: фоновая лексика – это слова или устойчивые обороты, обладающие добавочным семантическим объемом, а также сопутствующими экспрессивными, эмоциональными или стилистическими нюансами, которые проецируются на их ядерное понятийное значение [Shakhovskiy, 2008].

На рубеже XX и XXI веков в мировом языкознании наметился фундаментальный методологический сдвиг, ознаменовавший переход от системно-структурного и описательно-дидактического изучения языка к антропоцентрической парадигме [Tarasov, 1996; Karaulov, 1999]. Данный этап характеризуется тем, что фокус исследовательского внимания сместился с изолированного анализа языковой системы на изучение человека говорящего («homo loquens») во всем многообразии его культурных, ментальных и социальных связей. В рамках этого когнитивно-философского поворота на стыке лингвистики и культурологии сформировалось самостоятельное интегративное научное направление – лингвокультурология, коренным образом трансформировавшее существовавшую ранее лингвострановедческую концепцию лексического фонда [Maslova, 2001].

Центральной теоретической категорией данного этапа становится понятие национально-культурной коннотации. Фундаментальный вклад в разработку этой категории внесла В.Н. Телия и представители возглавляемой ею Московской лингвистической школы. Согласно концепции В.Н. Телия, национально-культурная коннотация представляет собой смысловой компонент, который наслаивается на денотативно-сигнификативное ядро значения и выражает отношение носителей языка к обозначаемому объекту через призму национальных эталонов, стереотипов и мифологем [Teliya, 1996: 214]. Концептуализация культурных сценариев и эмоций в разных языках находит свое отражение и в работах зарубежных ученых [Wierzbicka, 1999; Goddard & Wierzbicka, 2018]. В этот же период в филологической науке утверждается масштабное понятие языковой картины мира (ЯКМ), трактуемое как исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации окружающей действительности.

Современный этап развития филологической науки, охватывающий период 2010-2020-х годов, характеризуется интеграцией когнитивного и дискурсивного подходов к исследованию языковых феноменов [Boldyrev, 2014; Lakoff & Johnson, 2003]. Сопоставительное изучение разноструктурных языков показывает, что национально-маркированная лексика обладает особым аксиологическим потенциалом, выступая образным репрезентантом этнокультурных концептов [Alikhasanova, 2023]. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы фоновая лексика перестает рассматриваться исключительно как статичное хранилище информации, зафиксированное в словарях. Прорывной характер в этом направлении на материале узбекского языкознания носят исследования Ш.С. Сафарова, который детально обосновал когнитивно-дискурсивную модель языка, доказывая, что этнокультурная специфика речевой деятельности пронизывает саму архитектонику дискурса [Safarov, 2006, 2018]. Развитие прагмалингвистического направления в Узбекистане нашло свое глубокое воплощение также в работах М.Хакимова [Khakimov, 2001], а особенности узбекского сетевого дискурса анализировались Г.Р. Тоировой [Toirova, 2020].

Для обеспечения строгости изложения необходимо четко разграничить смежный понятийный аппарат. Смешение терминов «фоновая лексика»,

«безэквивалентная лексика» и «лакуны» нередко размывает научную новизну сопоставительных исследований. Безэквивалентная лексика – это слова, обозначающие национальные реалии (материалы быта, кулинарии, праздников), у которых нет эквивалентов в сопоставляемом языке ввиду отсутствия самих обозначаемых предметов [Gak, 1998] (ср.: *сумаляк, хашар, махалля*). В контексте языкового контактирования особую теоретическую значимость приобретает понятие реалем (или лингвокультурем) – системных единиц, возникающих в результате соприкосновения языков и культур и несущих в себе концентрированную национально-специфическую информацию [Djumanova, 2012a, 2013a, 2014]. Важно отметить, что формирование национально-культурного слоя лексики имеет глубокую историческую традицию: семантический и переводческий анализ универсальной и безэквивалентной лексики в памятниках письменности (в частности, в «Кутадгу Билиг») демонстрирует устойчивость этнокультурных кодов и их фундаментальную роль в организации языкового сознания [Yuvasheva, 2024, 2025].

Фоновая лексика – это понятийно эквивалентные слова, соотносящиеся с тождественными денотатами, но обладающие несовпадающими ассоциациями в сознании разных этносов [Gak, 1998; Maslova, 2001] (ср.: *сосед / qo‘shni, скатерть / dasturxon*). Лакунарность же фиксирует «пустоты» в лексической системе одного языка по отношению к другому, разделяясь на абсолютные лакуны (порождающие безэквивалентность) и семантические лакуны (связанные с отсутствием конкретных долей лексического фона) [Sternin, 2001]. Особое значение для понимания механизмов межязыковой асимметрии в узбекско-русских контактах имеют труды Д.У. Хашимовой, посвященные проблемам сопоставительного исследования лакунарных единиц в разносистемных языках [Khashimova, 2008]. Установление этих различий позволяет последовательно перейти к рассмотрению структуры национальной коннотации.

МЕТОДЫ

Методологическая архитектоника настоящего исследования базируется на интеграции когнитивно-дискурсивного, сопоставительного и семасиологического подходов, что позволяет эксплицировать не только статические системно-языковые параметры фоновой лексики, но и динамику её прагматической актуализации в цифровом медиапространстве Узбекистана. Комплексный характер изучаемого феномена – лексического фона в условиях близкородственных контактов некодифицированных интернет-дискурсов – предопределяет необходимость верификации полученных данных посредством многоступенчатого исследовательского алгоритма.

Эмпирическую базу исследования составили разнородные текстовые и лексикографические источники, совокупный объем которых обеспечивает репрезентативность выводов и минимизирует субъективный фактор при интерпретации этнокультурных фонов. Сбор и систематизация материала проводились по двум основным направлениям:

– дискурсивный корпус (цифровые медиа источники: публикации, комментарии и мультимедийные тексты в узбекистанском сегменте социальных сетей Telegram и Instagram за хронологический период с января 2024 года по июнь 2026 года) (Event.uz Новости Узбекистана, 2026);

– лексикографические источники и базы данных (академические толковые и специализированные словари русского и узбекского языков).

Для достижения поставленной цели и решения задач в работе применяется комплекс взаимодополняющих методов лингвистического и междисциплинарного анализа: метод дискурс-анализа цифровой коммуникации, метод контекстуального анализа, социолингвистическое наблюдение.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе сопоставительного анализа лексических систем русского и узбекского языков, а также верификации полученных данных в естественном дискурсе интернет-коммуникации Республики Узбекистан нами была разработана и систематизирована сквозная типология исследуемых лексем по характеру их эквивалентности и специфике фонового наполнения (см. табл. 2):

Таблица 2.

Типология этнокультурных маркеров в русском и узбекском языках по характеру межъязыковой эквивалентности

Тип лексики	Характеристика типа	Примеры в русском языке	Примеры в узбекском языке
Понятийно-эквивалентная фоновая лексика	слова с идентичным денотатом, но существенно расходящимися ассоциативными полями и прагматическим фоном	*хлеб, собака, воспитание, гость*	*non, it, tarbiya, mehmon*
Безэквивалентная лексика (реалии-лакуны)	номинации национально-специфических феноменов быта, обрядов или институтов, не имеющие словарных соответствий	*масленица, квас, дача*	*sumalak, xashar, mahalla, choyxona*
Дискурсивные неомаркеры (гибриды)	лексемы, претерпевающие прагматический сдвиг и аксиологическую переоценку в пространстве современной виртуальной коммуникации	*духовность, традиционные ценности*	*ma'naviyat, milliy qadriyatlar, aka*

Для систематизации и последующего комплексного анализа собранного материала вся исследуемая фоновая и безэквивалентная лексика была распределена по лексико-тематическим группам (ЛТГ). Разработанная классификационная модель представляет собой трехуровневую иерархическую структуру, отражающую различные срезы этнокультурного пространства региона (см. рис. 1):

Рисунок 1. ***Структурно-концептуальная классификация лексико-тематических групп (ЛТГ)***

ЛТГ 1 «Социально-институциональные концепты и общинные практики» объединяет языковые единицы, регулирующие повседневные социальные связи, коллективное взаимодействие и традиционные институты социализации в узбекском обществе. Основной особенностью этих лексем в цифровую эпоху является их активная рефункционализация в русскоязычном сегменте сетевых медиа Узбекистана.

Как безэквивалентная лексическая единица, лексема *махалля* (mahalla) в традиционном узусе репрезентирует не просто территориальную единицу или городской квартал, а уникальный общественно-государственный институт самоуправления, соседской взаимопомощи и социального контроля. Лексический фон данного слова включает семантические доли «коллективная солидарность», «уважение к старшим (аксакалам)», «общественное мнение», «безопасность» и «совместный труд».

В современной русской речи Узбекистана лексема функционирует как устойчивый маркер локальной идентичности, синонимичный понятиям безопасности и добрососедства. Однако анализ цифрового дискурса в каналах Telegram и Instagram за период 2023–2026 гг. фиксирует выраженную аксиологическую поляризацию слова. С одной стороны, лексема сохраняет позитивные коннотации при обсуждении экологических инициатив и благоустройства: *«А есть ещё «хашар» – коллективный безвозмездный труд перед праздником: вместе белят дувалы, убирают двор, готовят угощение...»* (Пост в Telegram-канале «Event.uz Новости Узбекистана», июнь 2026 г.).

С другой стороны, в молодежных пабликах наблюдается ироническая

деконструкция семантики: производные сочетания (*«махаллинский комитет»*, *«аксакалы махалли»*) метафоризируются, выступая в сетевом общении синонимом избыточного социального контроля, сплетен, нарушения приватности и вмешательства в частную жизнь: *«Опять у подъезда устроили «махаллю»: бабушки обсуждают, кто во сколько пришел...»*.

Лексема *хашар* (hashar) представляет собой безэквивалентную единицу, номинирующую древний обычай добровольной коллективной взаимопомощи для выполнения общественно значимых или тяжелых физических работ (строительство дома, очистка каналов, подготовка к праздникам). Её лексический фон прочно связан с понятиями альтруизма, общинной солидарности и обязательной совместной трапезы (приготовление общего плова по окончании работ).

В русскоязычном узусе Узбекистана лексема частично перекрывает семантику слова *«субботник»*, однако обладает гораздо более теплым и этнокультурно маркированным эмоциональным фоном. В цифровой среде (в частности, в городских сообществах Telegram) лексема *«хашар»* переживает прагматический ренессанс: она активно рекрутируется эко-активистами и волонтерскими движениями, связываясь с глобальной повесткой урбанистического активизма и экологической осознанности, что позволяет мобилизовать аудиторию через актуализацию традиционного культурного кода.

Лексические единицы ЛТГ 2 «Обрядовая и предметно-бытовая культура» номинируют материальные объекты и обрядовые практики, составляющие этнографическую основу жизнедеятельности. При переносе в русскоязычный дискурс они выступают яркими этномаркерами и подвергаются различным прагматическим трансформациям под влиянием интернет-коммуникации.

Обозначая на денотативном уровне глиняную печь полусферической формы, в узбекской лингвокультуре *тандыр* (tandir) обладает мощным лексическим фоном, ассоциирующимся с домашним очагом, преемственностью поколений и кулинарным мастерством. Выпекаемый в ней продукт – *тандыр-нон* (лепёшка) – наделяется сакральным статусом священного хлеба, в отношении которого действует система строгих социокультурных табу (запрет класть «лицом» вниз, резать ножом и т.д.).

В русской разговорной речи Узбекистана лексема функционирует преимущественно в гастрономическом дискурсе (*«тандырная самса»*, *«тандыр-гушт»*), выступая гарантом подлинности вкуса и следования традиционной рецептуре. В визуально ориентированных цифровых медиа (Instagram, TikTok) образ тандыра эстетизируется, превращаясь в этнографический бренд региона, генерирующий высокий уровень вовлеченности аудитории.

Безэквивалентная лексема *сарпо* (sarpo) номинирует комплекс одежды и ценных подарков, преподносимый невесте, жениху и членам их семей в рамках предсвадебных и свадебных обрядов. Её культурный фон отражает престиж семьи, уважение между будущими родственниками и строго регламентирован правилами этикета.

В русскоязычном дискурсе слово используется при обсуждении свадебных

расходов, часто приобретая экспрессивную окраску. В цифровом пространстве (особенно в формате коротких видеороликов Reels) феномен *сарпо* стал триггером для острых социальных дискуссий. Публикация «распаковок сарпо» подвергается в комментариях жесткой критике со стороны модернизированной молодежи за демонстративное потребление, уход от духовной составляющей брака и навязывание финансово обременительных стандартов.

Лексема *тогора* (tog‘ora) на понятийном уровне обозначает металлический или пластиковый таз, однако в узбекском обрядовом контексте она приобретает значение ключевого элемента ритуального обмена угощениями между сватами. Лексический фон единицы включает сложную схему укладывания слоями национальных блюд, выпечки и сладостей, символизирующих взаимную щедрость и готовность к родству.

В разговорной речи русскоязычных жителей региона выражение *«собирать/отправлять тогора»* используется как полноценный элемент обрядовой лексики. В интернет-дискурсе (в Telegram-каналах и молодежных пабликах) словосочетание *«синдром тогора»* или *«битва тогора»* превратилось в иронический мем, высмеивающий ярмарку тщеславия и негласное соревнование семей за статусность, приводящие к чрезмерным долгам.

Пиала (piyola) – небольшая чашка без ручки, служит главным символом восточного чайного этикета и гостеприимства. Лексический фон слова включает правила налива чая: почетному гостю напиток наливают «с уважением» – небольшими порциями (на донышке), чтобы чай не остывал, а гость постоянно чувствовал внимание хозяина. Полный налив пиалы расценивается как невербальный сигнал нежелательности долгого визита.

В русской речи Узбекистана лексема *«пиала»* полностью ассимилировалась, практически вытеснив в контексте домашнего чаепития слово «чашка». В сетевом пространстве пиала выступает центральным визуальным и текстовым концептом в локальных стикерпаках, транслируя ценности душевного покоя, неторопливой беседы и эмоциональной разгрузки в противовес западному ритму жизни.

Лексический фон слова *сумаляк* (sumalak) – безэквивалентного наименования сакрального весеннего блюда из проросших зерен пшеницы, приготовление которого приурочено к празднику Навруз, аккумулирует мифопоэтические смыслы: весеннее обновление, женское единение, ритуальное загадывание желаний при коллективном помешивании котла.

В русскоязычной среде участие в процессе варки сумаляка воспринимается как важнейший акт межкультурной интеграции. В цифровом пространстве (публикации в Instagram в марте-апреле) процесс варки сумаляка транслируется как яркое представление, где в комментариях актуализируется прагматика коллективного пожелания мира, здоровья и благополучия.

Лексема *исырык* (isiriq) номинирует сухое травянистое растение (гармалу), дымом которого традиционно окуривают людей, жилища и автомобили. Лексический фон слова объединяет две функции: апотропеическую (защита от

сглаза, зависти, злых духов) и утилитарную медицинскую (дезинфекция воздуха, профилактика инфекций). В локальном культурном пространстве специфический аромат исырыка выступает в качестве устойчивого ольфакторного кода.

В русской речи лексема *«исырык»* используется как в прямом значении, так и в метафорических конструкциях (*«надо окурить исырыком»* в значении защититься от неудач или негативного влияния). В цифровом пространстве Узнета лексема претерпела оригинальную ироническую трансформацию: изображение исырыка стало популярным интернет-мемом при обсуждении технических сбоев, падения серверов или поломок государственных систем, иронично символизируя «последнее надежное средство IT-безопасности».

Лексемы ЛТГ 3 «Этико-философские концепты ментальности» выражают фундаментальные ценностно-мировоззренческие установки, определяющие этнокультурный характер и аксиологическую сетку координат носителей языка. Описывая семантическую лакунарность на стыке русского и узбекского языков, целесообразно обратиться к концепту *барака*. Русские понятийные эквиваленты «благодать», «изобилие» или «достаток» оказываются семантически лакунарными по отношению к исходному узбекскому слову. В них отсутствует специфический фоновый компонент – идея метафизического, духовного благополучия, дарованного свыше, которое невозможно измерить деньгами. Отражение этих специфических долей фона фиксируется и в современных медиатекстах; так, транслируется устойчивое культурное представление о том, что визит гостя сакрально детерминирует появление барака (благословения) в доме (ср.: «*Считается, что гость приносит в дом барака – благословение*» Пост в Telegram-канале «Event.uz Новости Узбекистана», июнь 2026 г.).

Логическим продолжением и главным ментальным источником привлечения барака в лингвокультуре Узбекистана выступает институт благословения – *дуо / дуа* (duo). Данная лексема, переходя в русский дискурс билингвов, полностью сохраняет свой глубокий сакральный и этический фон, который невозможно адекватно передать русскими эквивалентами «молитва» или «пожелание». В восточном сознании *дуа* – это строго структурированный социокультурный ритуал, вербальный акт передачи благодати (ср.: «*Все, кто встречает паломника, восхищаются его силой духа, делают за него дуа и пытаются помочь финансово*» Пост в Telegram-канале «Event.uz Новости Узбекистана», апрель 2023 г.). Специфический лексический фон слова включает в себя обязательную иерархичность: наивысшей духовной силой обладает дуа, полученное от родителей, умудренных опытом старейшин (*аксакалов*) или духовных наставников (*устоз*). Так, функционирование лексемы дуо в речи отражает фундаментальный этнокультурный код уважения к старшим и веру в то, что искреннее родительское или наставническое благословение способно материально и духовно изменить судьбу человека.

Ядром этой группы также выступает лексема *маънавият* – духовность / нравственность (ma’naviyat). В официальном государственном и академическом дискурсе Узбекистана слово «ma’naviyat» наделено исключительно

возвышенным, сакрализованным фоном. Оно обозначает совокупность высоких моральных, культурных, патриотических и духовных качеств гражданина, выступая основой государственной идеологии. Однако в молодежной интернет-среде, в Telegram-каналах и комментариях в Instagram, лексема «ma'naviyat» претерпела резкую ироническую трансформацию. В результате семантического сдвига она приобрела саркастическую коннотацию «насаждаемой сверху, фальшивой или устаревшей морали», используемой для цензуры искусства, внешнего вида или ограничения личных свобод: *«Опять наши «манавиятчики» требуют запретить концерт из-за неподобающей одежды артистов. Сколько можно душить культуру своим манавиятом?»* (Комментарий в Telegram-канале «Потребитель.уз», сентябрь 2024 г.).

Анализ результатов показывает, что функционирование этнокультурных маркеров в современной медиасреде Узбекистана носит глубоко динамический характер. Понятийно-эквивалентные фоновые слова сохраняют свое сакральное ядро, однако их периферийные ассоциации трансформируются под давлением урбанизации. Безэквивалентные концепты этического характера продолжают играть роль эффективных прагматических регуляторов социального поведения, в то время как общественно-политическая лексика подвергается активной иронической деконструкции в интернет-дискурсе молодежи, образуя гибридное семантическое пространство.

ОБСУЖДЕНИЕ

Интеграция лексикографических материалов авторского лингвострановедческого словаря и данных прагмалингвистического анализа сетевого дискурса позволяет эксплицировать латентные когнитивно-семантические процессы, происходящие на стыке русского и узбекского языков в эпоху тотальной цифровизации [Baranova, 2018; Rakhimova, 2025]. Полученные результаты существенно дополняют классическую лингвокультурологическую концепцию лексического фона, предложенную Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [Vereshchagin & Kostomarov, 1980], и выводят ее в плоскость динамической сетевой коммуникации [Crystal, 2011].

Традиционная лингвокультурология долгое время рассматривала национально-культурный фон лексемы как относительно статичную величину, консервирующуюся в устойчивых фольклорных, литературных и обрядовых контекстах. Однако в условиях интернет-опосредованной коммуникации (в частности, в узбекистанском сегменте мессенджеров Telegram и Instagram) мы наблюдаем феномен семантической флюидности фона – свойства прагматического и национально-культурного наполнения лексемы (её лексического фона) стремительно изменяться, поляризоваться или приобретать новые ассоциативные коннотации в процессе живой коммуникации (в частности, в цифровом дискурсе), при сохранении стабильным основного денотативного (понятийного) ядра слова.

Денотативное (понятийное) ядро исследуемых лексем остается

неизменным, в то время как прагматическая периферия (лексический фон) претерпевает стремительную диффузию и поляризацию. Наглядно этот процесс отражает когнитивная траектория концепта *исырык*. Традиционное понятийное ядро (дикорастущая трава гармала) и его устоявшийся обрядовый фон (ритуальное окуривание для дезинфекции и защиты от сглаза) в цифровой среде подверглись кардинальному семантическому сдвигу. В сетевом дискурсе лексема трансформировалась в ироническую метафору – «последнее средство технической поддержки». Окуривание серверов или компьютеров исырыком на шуточных изображениях (мемах) демонстрирует, как сакральный апотропеический оберег десакрализуется, приобретая новые прагматические функции в молодежном сленге.

Важным теоретическим результатом исследования является обоснование процесса динамической релакунаризации. В классическом переводоведении заимствование безэквивалентной лексики (лакун) рассматривается как способ заполнения семантических пустот [Komissarov, 1990]. Однако в современном русскоязычном пространстве Узбекистана использование заимствованных этномаркированных единиц выходит далеко за рамки простой номинации недостающих реалий. Билингвы сознательно отказываются от близких русскоязычных соответствий, поскольку именно оригинальные лексемы несут в себе концентрированный этнокультурный и этический фон [Goddard & Wierzbicka, 2018; Wierzbicka, 1999].

Билингвы сознательно отказываются от близких русскоязычных соответствий, поскольку именно оригинальные лексемы несут в себе концентрированный этнокультурный и этический фон, не поддающийся линейной трансляции.

Более того, в цифровой среде данные языковые единицы становятся маркерами двойной когнитивной идентичности. С одной стороны, часть этой лексики сохраняет свой высокий этический статус и используется как естественный прагматический триггер в благотворительных интернет-сборах. С другой стороны, концепты обрядовой и бытовой культуры в русскоязычном сетевом дискурсе подвергаются деконструкции. Интернет-пространство выступает площадкой для рефлексии и критики традиционного уклада. Ироничные метафоры и медиаформаты в современных социальных сетях отражают внутренний конфликт между традиционными коллективными ценностями общины и ценностями индивидуального потребления современного урбанизированного поколения.

Полученные в ходе исследования данные подтверждают необходимость пересмотра принципов двуязычной лексикографии. Традиционные переводные словари, фиксирующие лишь денотативные эквиваленты, упускают из виду живую ткань межкультурной коммуникации.

Разрабатываемый автором лингвострановедческий словарь, построенный по трехчастной академической схеме (*понятийное ядро – лексический фон – функционирование в речи*), позволяет зафиксировать эти тонкие прагматические и ассоциативные сдвиги. Включение в структуру словарной статьи примеров из живого интернет-дискурса (включая прецедентные тексты, мемы и сетевые

метафоры) превращает словарь из статичного филологического реестра в динамическую модель функционирования языка в реальном времени.

ВЫВОДЫ

Проведенное когнитивно-дискурсивное исследование и систематизация материалов разрабатываемого лингвострановедческого словаря позволяют сформулировать ряд теоретических и практических выводов, раскрывающих специфику функционирования фоновой лексики в эпоху тотальной медиатизации и цифрового взаимодействия русского и узбекского языков.

Во-первых, обоснован динамический характер лексического фона в цифровой среде. Традиционное понимание лексического фона как статической, консервативной культурной величины пересмотрено в пользу его дискурсивной флюидности. В то время как денотативное (понятийное) ядро исследованных этнокультурных маркеров остается стабильным, их прагматическая периферия в виртуальном пространстве демонстрирует высокую динамику. Сетевой дискурс мгновенно реагирует на социокультурные запросы общества, обогащая традиционные лексемы новыми ассоциативными связями и прагматическими коннотациями.

Во-вторых, выявлен феномен прагматической поляризации и деконструкции. В ходе анализа живого интернет-дискурса определено, что трансляция традиционных концептов в виртуальной среде происходит по двум разнонаправленным векторам. С одной стороны, наблюдается сакрализация и консервация, то есть сохранение глубокого этико-философского и ритуального фона для лексем духовного и обрядового пласта, которые продолжают выступать этноинтегрирующими доминантами и ценностными ориентирами. С другой стороны, происходит ироническая деконструкция, выражающаяся в переосмыслении бытовых, обрядовых и социально-институциональных концептов. В молодежном сленге и интернет-мемах данные лексемы подвергаются десакрализации и сатирической переоценке, превращаясь в маркеры социального конформизма, избыточного контроля или демонстративного потребления.

В-третьих, дано лингвистическое обоснование процессу динамической релакунаризации. Доказано, что использование безэквивалентных этномаркированных единиц в русскоязычном общении билингвов обусловлено не механическим заполнением номинативных пустот, а стремлением передать концентрированный национально-культурный фон, не поддающийся прямому переводу. Билингвы сознательно конструируют гибридное дискурсивное пространство, где оригинальные лексемы служат маркерами двойной когнитивной идентичности и позволяют выражать тонкие экспрессивные и аксиологические оттенки смысла.

В-четвертых, подтверждена методологическая ценность трехчастной лексикографической модели. Разработанная и примененная автором структура словарной статьи, включающая понятийное ядро, лексический фон и особенности функционирования единиц в принимающей речи, доказала свою академическую

эффективность. Она позволяет перейти от плоскостного двуязычного перевода к объемному лингвострановедческому комментированию. Включение в структуру словаря примеров из живой сетевой коммуникации и фиксация прагматических сдвигов превращают лингвострановедческий словарь в гибкий инструмент мониторинга языковых изменений в реальном времени.

Представленная методология открывает широкие возможности для дальнейшего мониторинга языковых процессов на стыке русского и узбекского языков. Перспективным видится расширение лексикографической базы за счет привлечения новых тематических блоков, включая региональный этикет и народную медицину, а также проведение сравнительного анализа функционирования аналогичных этномаркеров в других тюркоязычных сегментах интернета. Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть непосредственно использованы при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, сопоставительной лексикологии, а также в практике создания учебных пособий по русскому языку как иностранному и неродному.

LITERATURA

1. Akhmanova, O.S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (2-ye izd.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Alikhasanova, Z.F. (2023). The role of floronyms in the Russian and Uzbek linguistic world pictures. *Science and Innovation, 2*(2), 220–224.
3. Alikhasanova, Z.F. (2024). The linguistic world picture as one of the fundamental concepts of modern linguistics. *American Journal of Philological Sciences, 4*(2), 15–25.
4. Apresyan, Yu.D. (1974). *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskiye sredstva yazyka.* Moskva: Nauka.
5. Atadjanova, M. (2026). New trends and main problems in comparative linguistics: English-Uzbek and German-Uzbek perspectives. *Journal of Contrastive Linguistics, 51*(3), 112–121.
6. Baranova, V.V. (2018). Internet discourse as a new sphere of language contact. *Russian Journal of Linguistics, 22*(1), 89–104.
7. Boldyrev, N.N. (2014). *Kognitivnaya semantika: Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku.* Tambov: Izd-vo TGU.
8. Djumanova, D.R. (2012a). Realemy kak rezultat yazykovogo kontaktirovaniya. *Vestnik NUUz*, (3), 87–90.
9. Djumanova, D.R. (2012b). Priroda foneticheskikh defektov v russkoy rechi inoyazychnykh. *Ilm sarchashmalari*, (7), 87–90.
10. Djumanova, D.R. (2013a). Aspekty issledovaniya realem. *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi, 10*(3), 132–155.
11. Djumanova, D.R. (2013b). Svoyeobraziye bilingvizma. V: *Kultura / Perevod / Tolerantnost: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii* (ss. 165–171). Pyatigorsk: SKFU.
12. Djumanova, D.R. (2014). Specific features of linguoculturemes. *Filologiya masalalari*, (3–4), 49–52.
13. Gak, V.G. (1998). *Yazykovyye preobrazovaniya.* Moskva: Yazyki russkoy kul'tury.
14. Goddard, C., & Wierzbicka, A. (2018). Understanding cultural scripts: Practical applications of the Natural Semantic Metalanguage. *Intercultural Pragmatics, 15*(2), 201–225.
15. Karaulov, Yu.N. (1999). *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'.* Moskva: IRYa RAN.

16. Khakimov, M.Kh. (2001). *Pragmaticheskiye aspekty teksta v uzbekskom yazyke* [Avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk]. Tashkent: Natsional'nyi universitet Uzbekistana imeni Mirzo Ulugbeka.
17. Khashimova, D.U. (2008). *Problemy sopostavitel'nogo issledovaniya lakun v raznosistemnykh yazykakh: Monografiya* (I.R. Mirzayeva, red.). Tashkent: Izd-vo TGYUI.
18. Komissarov, V.N. (1980). *Lingvistika perevoda.* Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya.
19. Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): Na materiale anglo-russkikh perevodov.* Moskva: Vysshaya shkola.
20. Crystal, D. (2011). *Internet linguistics: A student guide.* London: Routledge.
21. Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors we live by.* Chicago, IL: University of Chicago Press.
22. Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya.* Moskva: Akademiya.
23. Mechkovskaya, N.B. (2000). *Sotsial'naya lingvistika.* Moskva: Aspekt Press.
24. Potebnya, A.A. (1993). *Mysl' i yazyk.* Kishinev: SINTO.
25. Rakhimova, Ya.N. (2026). Tsifrovyye i internet-zaimstvovaniya kak faktor mezhkul'turnogo dialoga: Lingvisticheskiy analiz na materiale russkogo i uzbekskogo internet-diskursa. *Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 7*(1), 307–313.
26. Rakhimova, Y.N. (2025). Digital multilingualism in Uzbekistan: Uzbek, Russian and English in online interaction. *Language and Digital Communication, 19*(4), 411–428.
27. Safarov, Sh.S. (2006). *Kognitiv tilshunoslik.* Samarqand: Sangzor.
28. Safarov, S.S. (2018). *Lingvistika diskursa.* Chelyabinsk: Izdatelstvo ChGIK.
29. Sternin, I. A. (2001). Metodika issledovaniya struktury kontsepta. V: I.A. Sternin (red.), *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* (ss. 58–65). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet.
30. Tarasov, Ye.F. (1996). Mezhkulturnoye obshcheniye – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya. V: N.V. Ufimtseva (otv. red.), *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya: Sbornik statey* (ss. 7–22). Moskva: Institut yazykoznaniya RAN.
31. Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty.* Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury».
32. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* Moskva: Slovo.
33. Toirova, G.R. (2020). Lingvisticheskiye osobennosti uzbekskogo internet-diskursa. *Voprosy filologicheskikh nauk*, *3*(65), 45–51.
34. Tomakhin, G.D. (1988). *Realii-amerikanizmy.* Moskva: Vysshaya shkola.
35. Ufimtseva, N.V. (2013). Etnopsikholingvistika: vchera i segodnya. *Voprosy psikholingvistiki*, (1) (17), 13–18.
36. Vereshchagin, Ye.M., & Kostomarov, V.G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova.* Moskva: Russkiy yazyk.
37. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals.* Cambridge: Cambridge University Press.
38. Yuvasheva, Sh.M. (2024). *Bezekvivalentnaya leksika v "Kutadgu Bilig" Yusufa Khos Khadzhiba: Lingvokul'turologicheskiy aspekt.* Tashkent: Innovatsion rivojlanish nashriyot-matbaa uyi.
39. Yuvasheva, Sh.M. (2025). *Kul'turno markirovannaya i universal'naya leksika v "Kutadgu Bilig": Semanticheskiy i perevodcheskiy aspekty* [Avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk]. Tashkent: Tashkentskii gosudarstvennyi universitet uzbekskogo yazyka i literatury imeni Alishera Navoi.
40. Yusupov, U.K. (2007). *Teoreticheskiye osnovy sopostavitel'noy lingvistiki.* Tashkent: Fan.
41. Yusupov, U.K., & Alimova, D.K. (2024). Lingua-cultural distinctions in temporal and spatial expressions: A contrastive study of English and Uzbek. *Cognitive Linguistics Review, 8*(2), 154–172.
42. Shakhovskiy, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy.* Moskva: Gnozis.
43. Chafe, W. (1994). *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of*

conscious experience in speaking and writing. Chicago, IL: University of Chicago Press.

REFERENCES

1. Akhmanova, O.S. (1969). *Dictionary of linguistic terms* (2nd ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House.
2. Alikhasanova, Z.F. (2023). The role of floronyms in the Russian and Uzbek linguistic world pictures. *Science and Innovation, 2*(2), 220–224.
3. Alikhasanova, Z.F. (2024). The linguistic world picture as one of the fundamental concepts of modern linguistics. *American Journal of Philological Sciences, 4*(2), 15–25.
4. Apresyan, Y.D. (1974). *Lexical semantics: Synonymic means of language*. Moscow: Science Publishing House.
5. Atadjanova, M. (2026). New trends and main problems in comparative linguistics: English-Uzbek and German-Uzbek perspectives. *Journal of Contrastive Linguistics, 51*(3), 112–121.
6. Baranova, V.V. (2018). Internet discourse as a new sphere of language contact. *Russian Journal of Linguistics, 22*(1), 89–104.
7. Boldyrev, N.N. (2014). *Cognitive semantics: An introduction to cognitive linguistics*. Tambov: Tambov State University Publishing House.
8. Chafe, W. (1994). *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
9. Crystal, D. (2011). *Internet linguistics: A student guide*. London: Routledge.
10. Djumanova, D.R. (2012a). Realemes as a result of language contact. *Bulletin of the National University of Uzbekistan*, (3), 87–90.
11. Djumanova, D.R. (2012b). The nature of phonetic defects in the Russian speech of non-native speakers. *Sources of Knowledge*, (7), 87–90.
12. Djumanova, D.R. (2013a). Aspects of the study of realemes. *Journal of Modern Turkic Studies, 10*(3), 132–155.
13. Djumanova, D.R. (2013b). The specific nature of bilingualism. In *Culture / Translation / Tolerance: Proceedings of the International Correspondence Scientific Conference* (pp. 165–171). Pyatigorsk: North Caucasus Federal University Publishing House.
14. Djumanova, D.R. (2014). Specific features of linguoculturemes. *Philology Matters*, (3–4), 49–52.
15. Gak, V.G. (1998). *Linguistic transformations*. Moscow: Languages of Russian Culture Publishing House.
16. Goddard, C., & Wierzbicka, A. (2018). Understanding cultural scripts: Practical applications of the Natural Semantic Metalanguage. *Intercultural Pragmatics, 15*(2), 201–225.
17. Karaulov, Yu.N. (1999). *Active grammar and the associative-verbal network*. Moscow: Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
18. Khakimov, M.Kh. (2001). *Pragmatic aspects of text in the Uzbek language* [Abstract of a doctoral dissertation in philological sciences]. Tashkent: National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek.
19. Khashimova, D.U. (2008). *Problems of the comparative study of lacunae in languages of different systems: A monograph* (I.R. Mirzayeva, Ed.). Tashkent: Tashkent State University of Law Publishing House.
20. Komissarov, V.N. (1980). *Linguistics of translation*. Moscow: International Relations Publishing House.
21. Komissarov, V.N. (1990). *Translation theory (linguistic aspects): Based on English-Russian translations*. Moscow: Higher School Publishing House.
22. Lakoff, G., & Johnson, M. (2003). *Metaphors we live by*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
23. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Academia Publishing House.
24. Mechkovskaya, N.B. (2000). *Sociolinguistics*. Moscow: Aspect Press.

25. Potebnya, A.A. (1993). *Thought and language*. Chisinau: SINTO Publishing House.
26. Rakhimova, Y.N. (2025). Digital multilingualism in Uzbekistan: Uzbek, Russian and English in online interaction. *Language and Digital Communication, 19*(4), 411–428.
27. Rakhimova, Y.N. (2026). Digital and internet borrowings as a factor in intercultural dialogue: A linguistic analysis based on Russian and Uzbek internet discourse. *Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 7*(1), 307–313.
28. Safarov, S.S. (2018). *Discourse linguistics*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture Publishing House.
29. Safarov, Sh.S. (2006). *Cognitive linguistics*. Samarkand: Sangzor Publishing House.
30. Shakhovskiy, V.I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis Publishing House.
31. Sternin, I.A. (2001). Methods for studying the structure of a concept. In I.A. Sternin (Ed.), *Methodological problems of cognitive linguistics* (pp. 58–65). Voronezh: Voronezh State University Publishing House.
32. Tarasov, Ye.F. (1996). Intercultural communication: A new ontology for the analysis of linguistic consciousness. In N.V. Ufimtseva (Ed.), *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness: A collection of articles* (pp. 7–22). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
33. Teliya, V.N. (1996). *Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects*. Moscow: School of Languages of Russian Culture Publishing House.
34. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Language and intercultural communication*. Moscow: Word Publishing House.
35. Toirova, G.R. (2020). Linguistic features of Uzbek internet discourse. *Issues in Philological Sciences, 3*(65), 45–51.
36. Tomakhin, G.D. (1988). *American realia*. Moscow: Higher School Publishing House.
37. Ufimtseva, N.V. (2013). Ethnopsycholinguistics: Yesterday and today. *Issues in Psycholinguistics, 17*(1), 13–18.
38. Vereshchagin, Y.M., & Kostomarov, V.G. (1980). *The linguocultural theory of the word*. Moscow: Russian Language Publishing House.
39. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Yusupov, U.K. (2007). *Theoretical foundations of contrastive linguistics*. Tashkent: Science Publishing House.
41. Yusupov, U.K., & Alimova, D.K. (2024). Lingua-cultural distinctions in temporal and spatial expressions: A contrastive study of English and Uzbek. *Cognitive Linguistics Review, 8*(2), 154–172.
42. Yuvasheva, Sh.M. (2024). *Non-equivalent vocabulary in Yusuf Khos Hajib's "Kutadgu Bilig": A linguocultural aspect*. Tashkent: House of Innovative Development Publishing and Printing.
43. Yuvasheva, Sh.M. (2025). *Culturally marked and universal vocabulary in "Kutadgu Bilig": Semantic and translation aspects* [Abstract of a doctoral dissertation in philological sciences]. Tashkent: Alisher Navo'i Tashkent State University of Uzbek Language and Literature.